Маяковский В. В.
(сериаль, поэта,
к 109-годовщине со дня
рождения).

22.7.02.

ФЕСТИВАЛЬ

МЕТАСТАЗЫ ЗАПОЛЗЛИ С ЗАПАДА — И ЗАПАДАЮТ ГОЛОСА?

Новая газета,
-2002- -22 июля
-с.21-

Зрелищным балом во славу футуризма завершился в минувшую пятницу — в 109-й день рождения поэта — Первый фестиваль Маяковского, удививший Москву синтезом всех искусств, яркими персонажами и несколькими скандалами...

После бурного выяснения отношений между наследием футуризма и современным искусством зрителям был предложен еще более интересный визуальный ряд — архивные фильмы 20-х годов с участием главного советского поэта.

До умиления наивная лента «Барышня и хулиган» вместила Маяковского в трех лицах — как сценариста, актера и сорежиссера — и законсервировала для вечности романтическое обаяние едва свершившейся революции. Не самыми удачными экранизациями (всего Маяковский написал около 17 заказных сценариев) считаются забавная лента «Октябрюхов и Декабрюхов», снятая к десятилетнему юбилею революции, и фарсовая — «Трое», прославляющая пионерский рай в «Артеке».

Почерк Маяковского на целлулоиде не разглядишь, но карикатурные буржуи и телепузики-пионеры — узнаваемые герои его ранних поэм, слишком рельефные для плоскости печатного листа. Завораживает и атмосфера еще не осознавшего себя, но уже играющего с самим собой кинематографа: обратная перемотка ленты, неожиданно длинные статичные кадры и рваный монтаж, овеществленные — с легкой руки Маяковского — шутки и метафоры: нарисованные на руке часы или вразвалку выходящая из тела душа.

Не связаны с Маяковским напрямую, но удивительно созвучны его экспериментам две другие картины — легендарный «Киноглаз» первого «кинофутуриста» Дзиги Вертова и фильм Льва Кулешова «Приключения мистера Уэста в России», интересный неожиданным взглядом на патриархов советского кино: Пудовкин вдруг предстает в роли пройдохи-декадента, а киногоеничный Борис Барнет блистательно играет американского ковбоя.

Не диалогом с Маяковским, а свободным высказыванием в заданных им эстетических координатах прозвучали три поэтических вечера в музее на Лубянке, участниками которых были вновь пережиты главные темы Маяковского-человека и Маяковского-футуриста: отношения поэта и власти, уязвимость нагота лирики, незащитность искренних интонаций, эскапизм абстрактных форм, отчаянная провокация эксперимента.

Пестрая поэтическая палитра фестиваля могла бы разжечь битву на вербальном поле. На одной сцене выступали поэт «бронзового века» Вячеслав Лен с антитоталитарными стихами о Владимире Владимировиче (не Маяков-

ком) и нервные поэтессы со скомканной прозой, Дмитрий Александрович Пригов, в представлении не нуждающийся, и юный коммунист Дмитрий Черный, вдохновенно пишущий в традиции Маяковского: «Хотели вычистить пошлость и грязь, / а получили доброкачественную найт лайф/ Метастазы заползли с запада и/ западают голоса/... И вновь зарастаем корыстью/ коростой вещей».

Столкновений не произошло, хотя каждый голос был услышан и переполненный зал — народ сидел даже в проходах — живо реагировал на знакомые стихи лауреата премии «Дебют» Даниила Давыдова, эффектное выступление лидера союза «Вавилон» Дмитрия Кузьмина, захватывающую бытовую метафизику Ленор Горалик, надрывную театральность Ирины Шестаковской, раскручивающиеся по спирали самоиронии тексты Алексея Денисова...

По скорости реакции молодые поэты не уступали зрителям. Вот Елена Костылева читает очень личные, интимные стихи, коробящие кого-то низкой лексикой. Возмущенную реплику из зала «Фу, как грубо!» Лена парирует в лучших традициях «Пощечины общественному вкусу»: «Грубо? А по-моему, гениально!».

Ведущий вечера сострил, что самая актуальная и неразрешимая проблема июльского фестиваля — отношения «Поэт и дача» (по разным причинам не смогли выступить Геннадий Айги, Вера Павлова и др.).

Маяковский остался бы доволен провокациями участников фестиваля, а современный зритель не может не заметить исторического водораздела между поколениями. Если старшие поэты, причем не обязательно диссиденты, непременно затрагивают темы гражданские и политические, связанные со свободой и самоопределением, то наделенные внешней свободой дети перестройки самовыражаются, глядя на мир через призму собственных комплексов. Мы любим цитировать Маяковского: «Я поэт, этим и интересен», но забываем, что это строчка из его автобиографии, а не стихотворения.

Фестивальные эмоции достигли апогея за «круглым столом» в Новом Манеже, где тему «Поэт и власть: проблемы «левого» искусства» отдали на растерзание художникам, литераторам и критикам. Удался ли диалог, читайте в следующем номере.

● Наталия САВОСЬКИНА

41